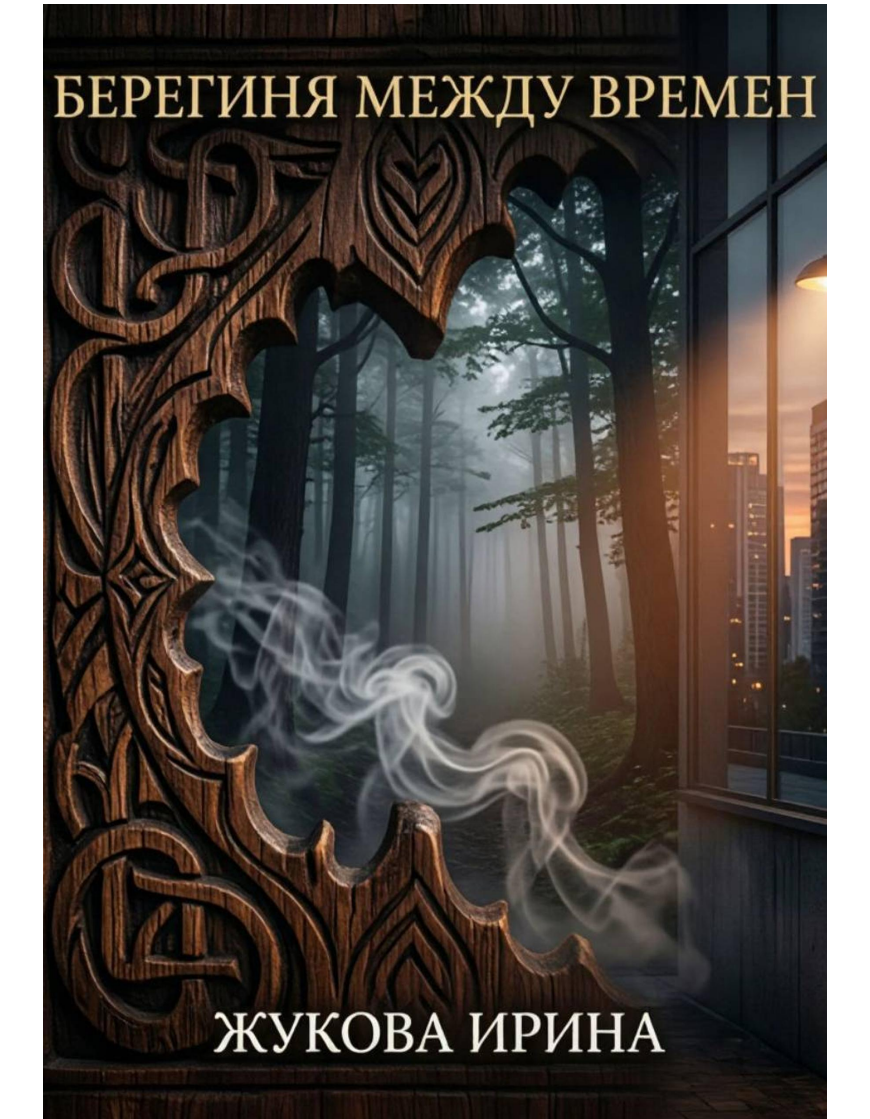

БЕРЕГИНЯ МЕЖДУ ВРЕМЕН

ЖУКОВА ИРИНА

Ирина Жукова

Берегиня между времен

<https://litres.ru/74252388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть о Берегине, хранительнице рода, которая из лесной деревни докрещёной Руси попадает в современный город. Её мир — дымные хаты из дерева и глины, резные узоры как язык памяти, голоса волхвов и жрецов; род для неё — дерево, держащее небо. В новом мире она встречает бездомную девочку и понимает: её древний дар — умение видеть, где болит, и возвращать чувство дома — попрежнему нужен. История соединяет этнографическую точность (быт славян, счёт дней по солнцу и луне, уход за детьми без манежей и бутылочек) с темой заботы и спасения. Глоссарий поможет читателю разобраться в терминах — от понятий «волхв», «жрец», «Берегиня» до названий посуды и деталей родового уклада. Это рассказ о том, как мудрость предков становится опорой в холодном городе.

Ирина Жукова

Берегиня между времен

До ярма и до торго, когда монеты ещё не правили миром,

Род жил не как семьи, а как единое дыхание земли.

По рекам шли на лодках, доверяя ветру и звёздам,

А лес был стеной, что прятала род от чужого глаза и беды.
Волхвы видели будущее в узорах дыма,

Жрецы слышали, как шепчет земля под корнями деревьев.

Но главным оберегом рода была не клятва и не меч,

А избранная Берегиня у лесного порога — хранительница
живого слова.

Не каждая хозяйка звалась Берегиней — лишь та, что шла
по женской линии,

Чьим домом был лес, а не дорога, чьи окна смотрели в
чашу, а не на тракт.

В разных поселениях стоял такой дом — один, два или три,

Но лишь в одном из них жила Берегиня, назначенная на свой век.

Шестнадцать лет у славян считались святыми — с этого порога

Женщина могла принять звание, чтобы держать нить лада.

Один цикл, два, три — столько, сколько род нуждался в её слове,

Пока лес помнил шаги предков, а река не меняла русла.
Если род не сменял лесной дом на дорогу, не рвал корней у опушки,

То в любое святое лето женщина могла войти в Берегини,

Принять знак порога, услышать шёпот ветвей и сказать:

«Я держу границу, чтобы род остался целым».

Им несли подношения не ради милости, а ради лада:

Хлеб и соль, травы и тихий шёпот благодарности.

Ведь если в лесу стоит дом Берегини, если слово её крепко,

То весь род укрыт, как листьями, от любой беды.

Пролог

Говорят, время — как река: течёт себе и течёт, и редко кому выпадает шанс увидеть, как она вдруг расступается, открывая путь в другую сторону. А если и выпадает — не всякий осмелится шагнуть.

В краю, где лес подступает к самым избам, а тропы знают не по картам, а по корням, что сплетаются под ногами, жила женщина, которую звали Берегиней. Не имя это было, а звание, переходившее от матери к дочери, от бабки к правнучке — так в их роду называли ту, что умела слушать землю. Она чувствовала, когда лес хмурится, когда родник шепчет о беде, когда ветер приносит не просто запах дождя, а весть. И не потому, что была колдуньей, а потому, что не торопилась. В мире, где всё стремилось вперёд, она умела стоять тихо и слушать.

Её дом стоял у самой кромки леса — будто не решался отойти от него ни на шаг и не смел прижаться слишком крепко. Изба помнила не только голоса тех, кто в ней жил, но и шаги тех, кто проходил мимо и не задерживался. В её стенах хранился особый покой — тот, что бывает там, где знают цену каждому вдоху, каждому куску хлеба, каждому слову,

сказанному не впусую.

Берегиня знала: мир держится на нитях. Одни нити — простые: пряжу прядут, из неё вяжут носки, шьют рубахи, плетут корзины. Другие — невидимые: это связи между людьми, между человеком и лесом, между прошлым и будущим. И если потянуть за одну из них чуть сильнее, чем нужно, можно распустить не только узор, но и саму ткань жизни. Потому она старалась ступать мягко, говорить спокойно и замечать даже самые тихие знаки.

Но были и такие знаки, которые нельзя было не заметить. Они приходили не криком, а тишиной — такой густой, что становилось слышно, как бьётся сердце. Они приходили рябью на воде, странным сном, в котором видишь то, чего не мог знать, или взглядом незнакомца, в котором вдруг узнаёшь что-то родное. И эти знаки говорили: время готово измениться.

Никто не учил Берегиню тому, что ей предстояло. Никто не предупреждал, что однажды миг между вдохом и выдохом станет дверью. Но, может быть, именно в этом и была её сила: она не искала чудес, но и не отворачивалась от них, когда они стучались в её жизнь.

И вот настал день, когда тишина в доме стала особенно глубокой, а воздух — будто гуще. Лес замер, прислушиваясь к чему-то, что было слышно только ему. Родник у опушки пустил круги от самого центра, без капли, без ветра, словно кто-то невидимый опустил в воду камень, которого

не было. А ночью Берегине приснился сон — такой яркий, что, проснувшись, она ещё долго держала в пальцах ощущение той реальности, будто могла снова туда шагнуть, стоило лишь закрыть глаза.

Она не знала, что это — предвестник беды или дар. Не знала, ждёт ли её впереди испытание или спасение. Но чувствовала: привычный мир, такой родной и надёжный, вот-вот дрогнет, как лёд на весеннем ручье, и откроется путь туда, где время течёт иначе.

Так и началась эта история — не с громкого зова, не с раската грома, а с тихого знака, с едва уловимого сдвига, с того самого мига, когда прошлое и будущее на секунду встречаются, и между ними остаётся место для одного-единственного шага. И Берегиня, сама того не ведая, уже стояла на пороге этого шага, готовая принять то, что готовит ей судьба.

Глава 1. Дом у кромки леса

Изба стояла так, будто сама прильнула к лесу — боком к опушке, словно искала у деревьев защиты и тепла. Из трубы тянулся лёгкий дым, смешиваясь с утренним туманом, и пахло хлебом, печной золой и сушёной ромашкой — так пах дом, в котором всё было на своём месте.

Берегиня — а в роду её звали именно так, не по имени, а по делу, — стояла у печи, проверяя, ровно ли поднимается тесто. Лицо у неё было спокойное, будто она заранее знала, что день сложится ладно, даже если хлопот будет много. Под

сердцем уже шевелился новый ребёнок, но она не жаловалась: беременность тут не считали бедой, а принимали как ещё одну заботу, которую нужно нести бережно.

Двухлетний сын, Ванька, бегал по избе, цеплялся за подол, тянул к лавке, где лежал лоскутный мячик, и всё время спрашивал: «Ма, ма!» — и в этом «ма» было столько доверия, что у неё сжималось сердце от нежности. Она приседала, гладила его по вихрастой голове, шептала: «Сейчас, сейчас, погоди чуток», и он тут же забывал, чего хотел, потому что рядом была она — и этого хватало.

Муж, Добрыня, уже ушёл по делам: проверить ловушки у ручья, глянуть, не шалит ли волк возле выпаса. В доме он был тихим, крепким, как сама изба: не говорил лишнего, но если обещал — делал. Иногда Берегиня ловила себя на мысли, что именно его тишина и держит дом: пока он рядом, можно не бояться ни ветра, ни стужи, ни чужих слов.

Тесто она ставила ещё на рассвете, пока дом спал. Сначала развела опару в тёплой воде с ложкой закваски, которую берегла, как самое дорогое, — эта закваска жила в роду уже третье поколение, и говорили, что с ней хлеб всегда выходит добрым, будто в нём есть память рук всех тех женщин, что месили до неё. Потом понемногу подсыпала муку, просеянную сквозь сито, и слушала, как она сыплется: если мука

шепчет — значит, сухая и хорошая; если молчит — значит, отсырела, надо подсушить на печи.

Месила она не спеша, сильными, но мягкими движениями, будто разговаривала с тестом. Приговаривала тихо, не для чужих ушей:

— Расти, хлеб, расти, корми нас, береги нас, будь нам опорой...

И тесто будто слушалось: становилось гладким, тёплым, живым. Она скатала его в круглый ком, укрыла чистым холстом и поставила в тёплое место у печи. И теперь, когда она проверяла, как оно поднялось, ей казалось, что в этом тихом росте есть что-то очень правильное: день тоже должен подняться, как это тесто, и лечь ровно, без трещин.

Изба была невелика, но в ней всё было устроено так, чтобы ни один угол не пропадал зря. У печи, самой большой и доброй части дома, хранились чугуны, горшки, деревянные ложки и сито, а на полках лежали пучки трав: зверобой, мята, чабрец — каждая на своё дело. Над печью сушились грибы и тонкие полоски вяленого мяса, и в тепле они отдавали свой пряный дух, смешиваясь с запахом хлеба.

В красном углу, под вышитым рушником, стояли деревянные фигурки-обереги, а рядом на полке лежал маленький мешочек с солью — её берегли не ради вкуса, а ради защиты:

соль не пускала в дом дурные вести. У стены стояла широкая лавка, на которой вечерами собиралась вся семья, а над ней висели полки с мисками и крынками. На полу лежали плетёные дорожки, и по ним было приятно ходить босыми ногами: они держали тепло и не давали холоду пробраться из-под пола.

У окна, где света было больше, стояла прялка, и рядом на лавке лежала корзина с шерстью. Берегиня знала: чуть позже, когда Ванька уснёт после завтрака, она сядет к прялке и будет тянуть нить, слушая, как жужжит веретено. Эта нить потом пойдёт на тёплые носки для Добрыни и на шапочку для Ваньки, а остатки — на лоскутное одеяло для нового малыша.

Порог был высоким, чтобы холод не гулял по дому, и каждый раз, переступая его, она чуть задерживалась, будто спрашивала у дома: «Всё ли ладно?» И дом отвечал ей тишиной и теплом.

Она вышла на порог, вдохнула воздух, в котором ещё держалась ночная прохлада, и посмотрела на лес. Деревья стояли плотно, будто стеной, и в этой стене был и страх, и покой: лес мог спрятать, а мог и увести за собой, если не знать троп. Она знала. Тропы помнила с детства: где корень торчит, где мох ложится мягкой дорожкой, где ручей делает петлю и буд-

то шепчет: «Сюда, сюда».

Ванька выбежал следом, ухватился за её ногу, поднял голову и серьёзно сказал:

— Там птица!

И показал пальцем в сторону опушки, где на ветке сидела серая пичуга и смотрела на них, будто ждала, что скажут. Берегиня улыбнулась:

— Вижу, сынок. Это зарянка. Она день встречает.

Он нахмурился, пробуя слово на вкус:

— За-рян-ка...

И тут же забыл, потому что увидел жука, ползущего по крыльцу, и потянулся к нему.

Она подхватила его, прижала к себе, чувствуя, как он тёплый и живой, и на секунду закрыла глаза. В этом мгновении было всё: дом, лес, муж, ребёнок под сердцем, сын у плеча. И ещё — лёгкое, едва уловимое чувство, будто время чуть-чуть дрогнуло, как вода, в которую бросили камешек. Но она не стала об этом думать. Думать — значит тревожиться, а тревожиться сейчас было нельзя: день ждал дел.

Когда хлеб был готов, она достала его из печи деревянной лопатой, постучала по донушке — звук вышел звонкий, чистый — и положила остывать на льняное полотенце. Корочка была золотистой, плотной, а внутри хлеб дышал, и запах

шёл такой, что даже Ванька перестал носиться и замер, втянул носом и сказал серьёзно:

— Пахнет... вкусно.

Она рассмеялась, и этот смех был как солнечный луч в избе.

Хлеб получился именно таким, каким и должен быть в их доме — кисловатым, плотным, с той самой приятной терпкостью, что приходит от долгой закваски. Берегиня отрезала краюшку, положила на деревянную дощечку, рядом поставила глиняную кружку с квасом — тёмным, прохладным, с лёгкой игрой пузырьков.

— Садись, Ванька, поедим понемножку, — сказала она, усаживая сына на лавку и подоткнув ему под спину лоскутное полотенце, чтобы не мёрз.

Он тут же обхватил краюшку обеими руками, будто это был самый драгоценный клад, и откусил, поморщился от кислинки, но тут же запил квасом, и лицо его разгладилось:

— Опять вкусно!

Берегиня улыбнулась, отломилась себе кусочек, макнула в квас — так вкуснее, так мягче, так привычнее. Квас забирал резкость кислоты, а хлеб отдавал свой густой, печной вкус. Она закрыла на миг глаза, прислушиваясь к этому простому ритму: хруст, глоток, тихий вдох сына рядом.

Чуть позже, когда Ванька доел простоквашу и снова убежал бегать, Берегиня взяла два ведра и пошла к колодцу. Дорога была знакомой: мимо плетня, через тропинку, где по утрам бегали зайцы, к старому колодцу с потемневшим срубом. У колодца уже стояла соседка Марфа, морщинистая, быстрая, с глазами, в которых всегда плясали искорки.

— Ну, здравствуй, Берегиня, — сказала Марфа, не дожидаясь приветствия. — День-то какой, будто сам Бог его ровненько выстроил: ни ветра, ни тучи.

— Здравствуй, Марфа. Пусть будет добрым, — ответила Берегиня, ставя вёдра рядом и берясь за верёвку.

— Говорят, у тебя опять пополнение будет? — спросила Марфа, но не с любопытством, а с тихой радостью, как говорят, когда хотят пожелать добра.

— Будет, — кивнула Берегиня. — А у тебя как?

— Да всё как обычно: куры норовят сбежать, дети норовят вырасти, а я норовлю всё успеть. Да только куда там... — она усмехнулась, но в улыбке была не жалоба, а гордость: мол, забот много, а я справляюсь.

Пока Берегиня тянула ведро, вода звенела на цепях, и капли падали вниз, разбиваясь на тысячи крошечных радуг. Она зачерпнула ладонью и выпила: вода была холодной, чистой, с лёгким привкусом камня, и от неё сразу становилось легче дышать.

— А Ванька-то твой всё бегают, как жеребёнок, — улыбнулась Марфа. — Растёт.

— Растёт, — тихо сказала Берегиня, и в этом слове было столько нежности, что Марфа только кивнула, не стала больше ничего спрашивать.

— Если травы какие надо — скажи, я с луга принесу. Там как раз зверобой пошёл, добрый, сильный.

— Спасибо, Марфа, — ответила Берегиня и вдруг почувствовала, как от этих простых слов становится спокойнее: рядом есть люди, которые знают, как тебя зовут, и помнят, что тебе может пригодиться зверобой.

Они ещё немного постояли у колодца, поговорили про погоду, про то, что пора бы сено сушить, да только бы дождь не подвёл, и про то, как у Марфиной козы козлёнок родился. Потом Берегиня подняла вёдра, кивнула на прощание и пошла обратно, чувствуя, как тяжесть вёдер уравнивает лёгкость в груди: день начинался правильно.

Дома она поставила вёдра у порога, сняла платок, встряхнула волосы и посмотрела на Ваньку: он сидел на лавке и старательно крошил корочку хлеба, будто строил из неё маленький город.

— Что строишь, сынок? — тихо спросила она.

— Домик... для птички, — пробормотал он, не поднимая

глаз, и пристроил крошку, как крышу.

Берегиня присела рядом, пододвинула к нему кружку с остатками кваса и положила ещё одну маленькую краюшку. Он тут же забыл про домик, схватил хлеб и снова откусил, снова поморщился и снова запил — и засмеялся, потому что кислинка уже не казалась такой страшной.

Ближе к вечеру вернулся Добрыня. Вошёл тихо, будто приносил с собой запах леса и сырой земли, и сразу потянулся к бадейке с водой, чтобы смыть дорожную пыль. Берегиня молча подала ему полотенце, а он, вытирая лицо, коротко кивнул:

— Ловушки целы. Волк стороной прошёл. Трава на выпасе хорошая.

Она улыбнулась — в этих скупых словах была его забота: значит, беды не будет, и дом стоит крепко.

— Хлеб свежий, — сказала она и отрезала ему большую краюшку.

Добрыня отломил кусок, макнул в миску с квасом и съел медленно, будто не торопился проглатывать тепло дома. Потом посмотрел на Ваньку, который снова гонял по избе лоскутный мячик, и тихо сказал:

— Растёт парень. Скоро с собой возьму тропу смотреть.

Ванька тут же замер и уставился на отца огромными глазами:

— С тобой? По лесу?

Добрыня чуть усмехнулся — редкая улыбка у него выходила суровой и доброй одновременно:

— Сначала по краю, чтобы ноги не сбивал. А там видно будет.

Ванька радостно подпрыгнул и тут же снова убежал, будто ему нужно было срочно прожить эту новость в беге.

За ужином они сидели втроем: Добрыня, Берегиня и Ванька. Ели похлёбку с грибами и луком, заедали хлебом, запивали квасом. В красном углу тихо темнели обереги под рушником, и казалось, что они тоже слушают этот обычный разговор, будто и им приятно слышать, как дом живёт.

А потом Добрыня заговорил о времени — не о часах, которых тут не знали, а о тех мерках, по которым жила деревня:

— Солнце уже к соснам клонится. Скоро «паужин» будет, а там и «вечерня» недалеко. Завтра с первыми петухами опять в лес надо: до «полуденницы» успеть бы ловушки проверить, пока зверь не хитрит.

Берегиня кивнула. Тут время мерили не по стрелкам, а по солнцу и делу: «заутреня» — когда первые лучи трогают крыши, «полуденница» — когда тень становится короткой, «паужин» — когда день уже склоняется, но ещё хватает света для дела, «вечерня» — когда небо сереет и пора закрывать ставни. И не было нужды в звонких механизмах: время жило в шаге, в дыхании ветра, в крике петуха, в том, как ложится

тень от избы на траву.

После ужина Ванька начал клевать носом. Берегиня укутала его в лоскутное одеяло, положила рядом с собой на лавку, и он тут же свернулся клубочком, будто хотел во сне снова стать маленьким, как тогда, когда только родился. Добрыня посидел немного, глядя на них, потом тихо встал, проверил, крепко ли закрыты ставни, потрогал рукой печь — ещё тёплая — и сказал:

— Завтра день будет светлый. Ветер утих.

— Пусть будет без беды, — тихо ответила Берегиня.

Она легла рядом с сыном, чувствуя его ровное дыхание, и посмотрела на Добрыню. Он сел у печи, взял в руки ремешок, который надо было подлатать, и стал возиться с ним в полутьме, не торопясь. В этом тоже была его забота — делать дело, пока дом засыпает, чтобы утром всё было готово.

Постепенно затихли все звуки. Даже лес будто перестал шептать и замер, прислушиваясь к тишине в избе. И в этом затишье не было пустоты — оно было полным: в нём жили дыхание Ваньки, тихий скрип ремешка в руках Добрыни, тёплый запах хлеба, остывающей печи и трав.

Наконец и Добрыня отложил работу, лёг на свою лавку, повернулся лицом к ним и тихо сказал в темноту:

— Спи. День был добрый.

И она закрыла глаза, чувствуя, как день, прожитый по старым меркам — от «заутрени» до «вечерни», от первого запаха хлеба до этого тихого «спи» — ложится в её памяти ровным, тёплым следом.

А за окном, у самой кромки леса, снова дрогнула ветка. Не от ветра. И кто-то невидимый будто прислушался к этому дыханию дома, к тишине, в которой не было ни спешки, ни звона часов, ни стрелок, бегущих вперёд. Только солнце, тень и дело — как было испокон веку. И в этой тишине, простой и древней, пряталось что-то большее, чем покой, — будто сама земля держала этот дом и эту семью, не давая времени унести их прочь.

Глава 2. Знак у родника

Ночь прошла ровно, без тревог. Берегиня проснулась не от будильника — их тут не знали, — а от того самого тихого, верного знака: первые петухи пропели, и воздух в избе стал другим — не ночным, а уже дневным, будто кто-то приоткрыл дверь и впустил утро. Она не спешила вставать: лежала, прислушиваясь к себе и к дому. Ванька ещё сопел рядом, тёплый, как печка, а Добрыня уже поднялся и тихо, чтобы не разбудить их, надел кожух.

— Не шуми, — тихо шепнул он, проходя мимо лавки, и

улыбнулся одним уголком губ.

— Иди спокойно, — ответила она, не открывая глаз, но чувствуя, как его шаг делает дом надёжнее.

Когда за ним закрылась дверь, Берегиня потянулась, вдохнула запах остывшей печи и встала. День начинался привычно: тесто, вода, травы. Но сегодня в груди было что-то новое — не тревога, а будто ожидание, как бывает перед грозой, когда воздух становится гуще и каждый звук слышится яснее.

Ванька проснулся, потянулся, сел, посмотрел на неё серьёзно:

— А мы пойдём к воде?

— Пойдём, сынок, — улыбнулась она. — Надо воды набрать, да и у родника травка хорошая: чабрец там растёт, для чая.

Он тут же соскочил с лавки, завертелся, будто в нём разом проснулся весь день.

Они вышли из избы, и солнце уже стояло выше, чем в первые минуты рассвета. Тень от избы легла на траву — короткая, плотная. «Полуденницы» ещё не было, но день уже набирал силу. Тропа к роднику была знакомой: сначала по краю поля, где трава была примята заячьими следами, потом через берёзовую рощицу, где стволы стояли, будто белые

свечи, а дальше — вниз, к ложбинке, где земля будто сама раскрывалась, выпуская воду.

Родник здесь был не просто водой — в деревне его считали «говорящим». Говорили, что он помнит всё: и чьи ноги по траве шли, и чьи слёзы падали, и чьи слова шептали над ним. Вода в нём была ледяной даже в самый жаркий день, и, если наклониться, можно было услышать тихий, ровный гул — будто земля дышала.

Берегиня поставила ведро на плоский камень у воды, присела на корточки, чтобы умыться, и опустила ладони в воду. Холод ударил по коже, и она на секунду задержала дыхание. А потом подняла глаза — и увидела знак.

На гладкой поверхности воды, прямо под её отражением, круги пошли не от ветра и не от капли. Они шли от центра, будто кто-то невидимый опустил в воду камень, которого не было. И в этих кругах, в их странном порядке, ей вдруг почудилось что-то знакомое — будто узор, который она видела во сне, или тот самый рисунок, что сама выводила на прялке, сама не зная зачем.

Она замерла. Ванька, который уже собирался шлепнуть ладонью по воде, тоже замер, будто почувствовал, что сейчас нельзя шуметь.

— Ма, а вода танцует, — тихо сказал он, глядя на круги.

— Да, сынок, — прошептала она, хотя язык не хотел слушаться. — Танцует...

Она хотела отвести взгляд, сказать себе, что это просто рябь, что ветер всё-таки тронул воду. Но круги не рассыпались, как рябь. Они

Вернувшись домой, Берегиня первым делом поставила ведро у порога, сняла платок и присела на лавку, чтобы сердце перестало колотиться так, будто хотело выскочить из груди. Ванька тут же подбежал, потянул её за рукав:

— Ма, ма, а мы ещё к воде пойдём? Там вода танцевала!

Она улыбнулась, но улыбка вышла не такой лёгкой, как обычно.

— Сейчас, сынок. Дай дух перевести.

Она хотела спрятать от него свою тревогу, но Ванька будто чувствовал: притих, сел рядышком, прижался тёплым боком, и от этого ей стало чуточку спокойнее.

Чуть позже, когда Добрыня вернулся с обхода, она не стала тянуть. Подошла, встала напротив, и слова сами полились,

будто прорвало плотину:

— У родника знак был... Вода круги пустила — ровно из середины, без капли, без ветра. И узор такой... будто я его уже видела. То ли во сне, то ли сама на прялке выводила, сама не зная зачем.

Добрыня слушал молча, не перебивая. Лицо его оставалось спокойным, только в глазах появилась та самая твёрдость, с какой он смотрел на лес, когда чувствовал опасность. Когда она закончила, он медленно кивнул:

— К жрицам надо сходить. Они знают, как земля говорит. Если знак был — он не просто так.

Берегиня чуть вздрогнула: идти к жрицам лучше чем в волхвам — хотя и то дело не будничное. В деревне к ним обращались редко, только когда беда стучалась в ворота или когда сама земля будто подавала голос, который нельзя было не услышать.

— А если это просто рябь? — прошептала она, цепляясь за последнюю надежду на обыденность.

— Если просто рябь — жрицы так и скажут. А если нет... лучше знать заранее, чем потом оглядываться на каждый шо-

рох.

Ванька, ничего не понимая, смотрел то на отца, то на мать, будто хотел угадать, что сейчас решается что-то важное. Потом вдруг протянул ручонки к Добрыне:

— Па, па, я с вами!

Добрыня наклонился, поднял его, посадил на бедро и тихо сказал:

— Дома останешься, с Марфой посидишь. Она тебе про козлёнка расскажет, про зайцев. А мы с мамой ненадолго.

Ванька насупился, но спорить не стал — в голосе отца не было места для уговоров, только спокойная уверенность, которая заставляла слушаться даже самых упрямых.

К вечеру, когда солнце уже склонялось к соснам, Берегиня и Добрыня вышли из избы. Она накинула тёплый платок, взяла с собой маленький мешочек с солью — на всякий случай, чтобы дурные вести не прилипли по дороге. Добрыня шёл рядом, широкий, спокойный, будто сам был частью этого леса, знал каждую тропу и каждый корень.

Тропа к капищу, где жили жрицы они зачались ниже по

статусу. Выше служили Волхвы, так вот дорога была не той, по которой ходили за грибами или за хворостом. Она вилась по краю оврага, где мох лежал особенно густо, а деревья росли так плотно, что небо казалось узкой полоской над головой. Здесь даже шаги звучали тише, будто сама земля просила не шуметь.

Когда впереди показались резные столбы, обозначавшие границу священного места, Берегиня невольно замедлила шаг. Сердце снова забилося чаще, но теперь уже не от страха, а от какого-то глубокого ожидания — будто она подходила к двери, за которой хранилось знание, способное изменить всё.

У входа их встретила старшая жрица — старая, но прямая, как молодая сосна. Глаза у неё были светлые, почти прозрачные, и казалось, что она видит не только их лица, но и всё, что осталось невысказанным.

— Знаю, зачем пришли, — сказала она тихо, не дожидаясь слов. — Родник подал голос. Он редко ошибается.

Берегиня почувствовала, как внутри всё сжалось: значит, знак был настоящим.

— Расскажи, что видела, — попросила жрица, и голос её

прозвучал мягко, но в этой мягкости была сила, способная удержать даже самый бурный поток.

И Берегиня рассказала снова — про круги на воде, про странный узор, про то, как Ванька замер и прошептал: «Вода танцует». Жрица слушала, не моргая, будто впитывала каждое слово, как сухая земля впитывает первые капли дождя.

Когда Берегиня замолчала, жрица медленно провела ладонью по воздуху, словно разглаживая невидимую ткань, и сказала:

— Знак не про беду. Он про переход. Вода показала тебе узор, который ты уже знала, потому что он живёт в тебе. Это не предупреждение, а приглашение — принять то, что скоро придёт. Время меняется, и ты будешь стоять на границе двух миров: прошлого и будущего. Но не бойся: ты не одна. Лес помнит тебя, дом держит, а рядом — тот, кто не даст упасть.

Добрыня чуть крепче сжал плечо Беренины, и она вдруг почувствовала, как тревога тает, уступая место чему-то новому — спокойной готовности принять любой поворот судьбы.

— Иди домой, — сказала жрица. — День ещё не кончился, а дел хватит. И помни: когда узор снова покажется, не

пытаться его разгадать сразу. Просто посмотри и скажи себе: я вижу. Этого достаточно.

Они поклонились жрице и пошли обратно. Тропа теперь казалась не такой тёмной, а воздух — чище и легче. Берегиня шла, чувствуя, как внутри расправляется что-то сжатое, будто тугой узел наконец поддался и развязался.

Дома их уже ждала Марфа: сидела на лавке, держала на коленях Ваньку, рассказывала ему что-то тихо, и тот слушал, прижавшись к ней, как к родной. Когда они вошли, он сорвался с места и бросился к матери:

— Мама, мама, Марфа сказала, что зайцы носят шапки из травы!

Берегиня подхватила его, прижала к себе, вдохнула родной запах — и вдруг поняла, что всё на своём месте. Даже если впереди ждут перемены, здесь, в этом доме, у кромки леса, всегда будет тепло и спокойно.

Добрыня молча взял бадейку и пошёл к колодцу — привычное дело, которое возвращало всё на круги своя. А Берегиня села на лавку, положила Ваньку рядом, погладила его по вихрастой голове и тихо прошептала:

— Всё будет ладно.

И лес за окном будто кивнул в ответ, шевельнув ветвями, словно подтверждая её слова.

Глава 3. День без конца

Солнце едва поднялось, а берегиня уже была на ногах. У родника она набрала чистой воды, на миг прислушалась к его тихому разговору — и в груди шевельнулось недоброе предчувствие. Но тут же в памяти всплыл вчерашний поход к жрецам: среди хмурых, уклончивых слов одна старая жрица вдруг улыбнулась и сказала, что странный знак у ручья — добрый, он сулит переход в другой мир, а значит, впереди новая жизнь. Берегиня тихонько выдохнула, отгоняя остатки тревоги: Марфа ведь и сама вчера шепнула, что, мол, малыш родится — и всё переменится, начнётся новый отсчёт дней. «Так и есть, — подумала она, крепче прижимая к себе кувшин с водой. — Сейчас не время для дурных знаков. Сейчас время печь топить, травы сушить, сына беречь».

Вернувшись в избу, она растопила печь: тепло должно было держаться весь день, чтобы и тесто подошло, и травы просохли, и Иван мог прижаться к тёплой стене, когда устанет бегать. Пока печь набирала жар, берегиня села за прялку. Нить ложилась ровно, будто сама хотела быть крепкой. В дверях показался Иван — быстрый, как солнечный зай-

чик. Он потянул мать за подол: «Мама, смотри — курица!» И правда, от Марфы, жившей поодаль, забрела пеструшка, а следом, смешно подпрыгивая, бежал козлёнок. Берегиня улыбнулась, отложила прялку и взяла сына на руки. «Это козлёнок Марфы, — сказала она, глядя Ивана по вихрам. — Он ещё маленький, как и ты. Давай отнесём их обратно, чтобы Марфа не тревожилась».

Они дошли до двора Марфы. Та стояла у плетня, в руках — корзинка с яйцами, рядом коза терпеливо ждала, когда её подоят. «А, вот вы где! — облегчённо вздохнула Марфа. — Спасибо, милая. Эти двое вечно норовят сбежать да всё перевернуть. У тебя терпения на десятерых хватит». Берегиня только плечами пожала: терпение не считалось у неё за подвиг, а было частью будничного узора жизни. Пока Марфа угощала Ивана ломтиком подсушенного хлеба, женщины перекинулись парой слов: о травах, что нынче поздно всходят, о ветре, что всё дует с севера, о том, что пора бы Добрыне новую рубаху сшить.

Марфа, будто спохватившись, достала из корзинки три яичка. «Возьми, возьми, — настаивала она. — За то, что сына уберегла да козлёнка с курицей вернула. Пусть Иван поест, да и Добрыне, когда с проверки леса вернётся, сил придаст». Берегиня хотела было отмахнуться: «Да прям мне не сложно, чего там», — но видела, как у Марфы в глазах стоит

искренняя благодарность, и не стала обижать отказом. Взяла яички, улыбнулась: «Спасибо, соседка. Как Добрыня с проверки добычи вернётся, мы их и отведаем. Пусть день добрым будет».

А когда уже отходила от плетня, спохватилась: в руке у неё оказалась прихваченная по случайности вышитая салфетка — та самая, что она накануне доделывала при свете лучины. «Постой-ка!» — окликнула она Марфу и протянула ткань. «Возьми. Пусть в твоём доме будет уютно, как у нас». Марфа приняла салфетку с тёплой улыбкой, кивнула: «Вот ведь как у нас заведено: не нажива, а обмен да доброе слово. Пусть и у тебя всё ладно будет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.